

Цѣна отд. № 15 коп.

—
II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВОЙНА — НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 33

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

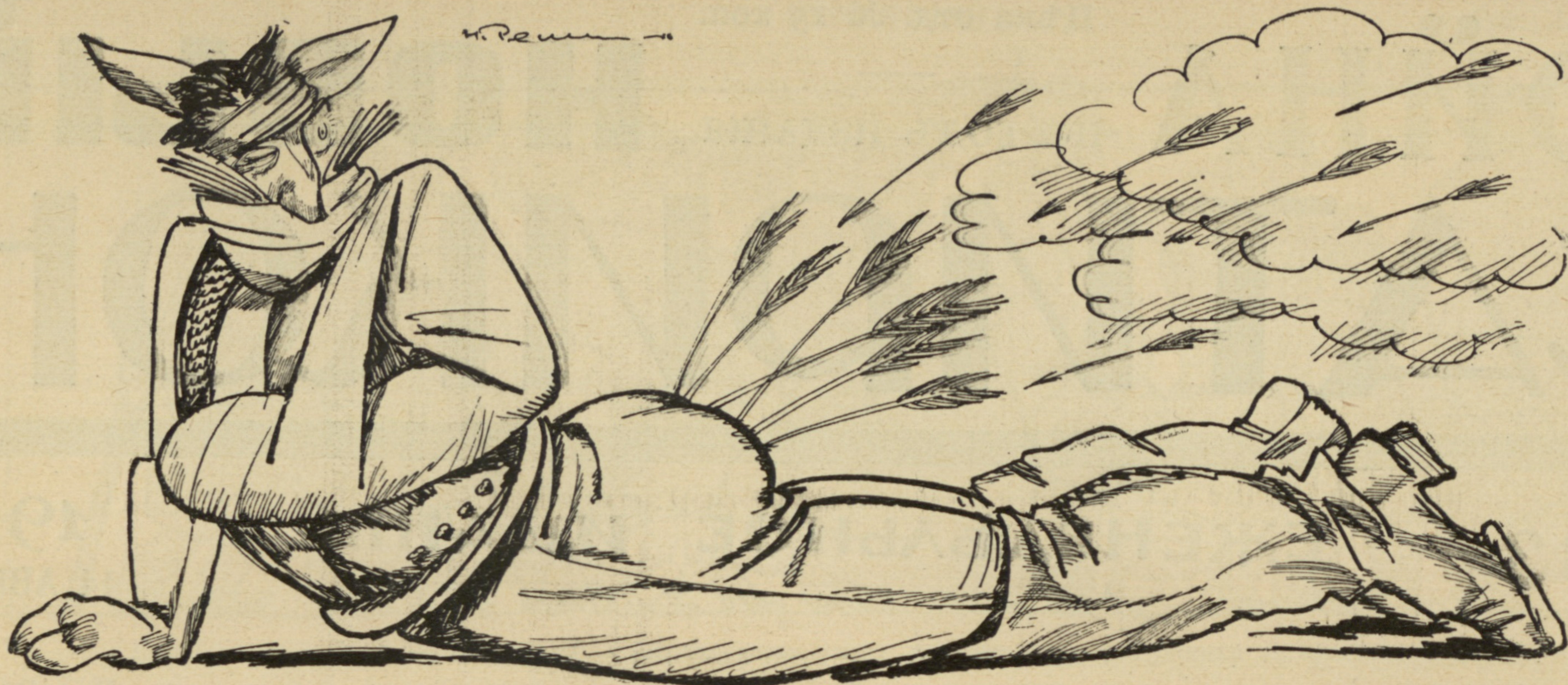
1914
14 АВГУСТА.

Рис. Ре-ми.

СЪ МОЛОТКА.

Германія: Взяли, все взяли, и колоніи и флотъ, а какъ собирали-то, вѣдь по кусочкамъ копили! Ахъ, Вильгельмъ, Вильгельмъ, и какой дуракъ втолковалъ тебѣ, что ты Наполеонъ!

— Бельгийцы!.. развѣ вы не слышите, — я же сказалъ, — что я дамъ поль-Франціи, если вы меня къ ней пропустите!

ГОЛОСЪ ДОНА.

Посвящаю первому Георгіевскому кавалеру, Донскому казаку Хозьмѣ Хрючкову.

1.

Утромъ рано — только тучку
 Подрумьнили свѣтъ —
 Вѣстовой привезъ летучку,
 Боевой пакетъ.
 Вызывали атамана
 На станичный сходъ,
 Табунами изъ тумана
 Повалилъ народъ.
 Выходили изъ станицы
 На зеленый лугъ,
 У студеной у криницы
 Становились въ кругъ.
 — Поздравляю васъ съ походомъ! —
 Гаркнулъ атаманъ.
 Всколыхнулся надъ народомъ
 Голубой туманъ,
 И, какъ пыль отъ урагана,
 Какъ степной огонь,
 Отъ кургана до кургана
 Понеслось: «На-кѡнь!»
 Загудѣла вся станица,
 Ахнули въ набатъ,
 Сторонится вереница
 Молодыхъ ребятъ,
 Тутъ и гики, тутъ и крики,
 Гомонъ до небесъ,
 Тутъ и шашки, тутъ и пики —
 Ровно темный лѣсъ;
 Тотъ беретъ на изготовку,
 Цѣлится шутя,
 Тотъ казенную винтовку
 Гладитъ, какъ дитя...
 Только старый дѣдъ Данило,
 Шипкинскій герой,
 Смотритъ строго и уныло
 На казачій строй
 И ворчитъ, кусая трубку
 И глотая дымъ:
 — «Эхъ, пропишутъ нонѣ лупку
 Нашимъ молодымъ!
 Раньше — дѣло было въ силѣ
 Да цѣнили пыль,
 Только тѣ и выносили,
 Кто при силѣ былъ;
 Коли биться, — тѣло въ тѣло,
 У ноги нога, —
 Не казачье это дѣло —
 Не видать врага;
 А теперь — умомъ да толкомъ:
 Порохъ да свинець.
 Ковырнетъ тебя осколкомъ —
 И погибъ Донецъ!
 Миновали наши лавы.
 Со щетиной пикъ,
 Не несетъ намъ больше славы

Нашъ казачій гикъ,
 Басурмана, какъ овечку,
 Не сшибешь съ плеча...»
 И старикъ полѣзъ на печку
 Сумрачно ворча.

Свечерѣло. Словно ладанъ
 Плаваетъ туманъ.
 Мокрымъ глазомъ глянулъ на Донъ
 Старый атаманъ,
 У околицы станицы
 Придержалъ коня,
 Сунулъ пригоршню землицы
 За бортъ чекменя
 И, тряхнувши головою
 На честной народъ,
 Золотою булавою
 Указалъ впередъ...
 Огласили бабьи крики
 Дальніе концы,
 Закачались плавно пики
 И — ушли Донцы.

2.

По-надъ яромъ, по-надъ Дономъ
 Не видать ни зги;
 Тихо шепчутъ по затонамъ
 Заросли куги.
 Спать казацкая станица
 Грустно, какъ вдова.
 Гдѣ-то мечется зарница
 Да кричитъ сова.
 Землю тучей осѣнило, —
 Нѣ-на-что глядѣть...
 Вышелъ старый дѣдъ Данило
 Къ Дону посидѣть:
 Что-то ноетъ поясница,
 Да мутитъ въ груди,
 А уснешь, — такое снится,
 Что не приведи...
 Сѣлъ Данило надъ водою
 На корявый пенъ,
 Спуталъ руки бороною
 И застылъ, какъ тѣнь...
 Тихо лижутъ берегъ воды,
 Ходятъ безъ слѣда.
 И припомнилъ старый годы
 Браннаго труда:
 Какъ ходилъ въ чужія страны
 Изъ родимыхъ мѣстъ
 Добывать на тѣло раны,
 На рубаху — крестъ.
 Видитъ старый чьи-то муки,
 Боевой угаръ
 И протянутыя руки
 Стонущихъ болгаръ...

А теперь — опять граница
 Окунулась въ кровь,
 И родимая станица
 Опустѣла вновь:
 Какъ и прежде — ратью бравой,
 Заметая слѣдъ,
 Казаки пошли за славой...
 А Данило — нѣтъ
 Не даютъ ему дороги —
 Древнія лѣта:
 Слабоваты стали ноги,
 И рука не та...
 Гдѣ ему за казаками?
 Что ему война?
 И развелъ старикъ руками:
 — Вотъ тебѣ и на!

Вѣтеръ чубъ сѣдой колышетъ
 У закрытыхъ глазъ.
 Вдругъ Данило ясно слышитъ
 Чей-то властный гласъ:
 — «Эхъ, Данило! Грѣхъ мараться!
 Не бѣда, не трусь!
 Коли нѣту силы драться,
 Такъ умри за Русь!»
 Полыхнуло въ небо пламя
 Гдѣ-то у кути,
 Развернулось въ небѣ знамя,
 И — опять ни зги...
 Только гдѣ-то у затона
 Колыхнулась зыбь,
 Да тоскливо возлѣ Дона
 Простонала выпь...
 Всталъ старикъ тогда съ колоды,
 Шапка на бекрень,
 Поглядѣлъ туда, гдѣ воды,
 И пошелъ въ курень.
 — «Ну-ка, мать! Расправь-ка плечи!
 Разомни персты!
 Доставай-ка пику съ печи,
 Да давай кресты!
 Ну-ка, внукъ! Иди со овѣчкой!
 Живо у меня!
 Выноси сѣдло съ насѣчкой
 Да сѣдай коня!
 Молодайка! Гдѣ нагайка?
 Киверъ не забудь!
 Да вина мнѣ мѣру дай-ка
 На великій путь!»
 Вытеръ губы атаманецъ
 Сивой бородой,
 Щеку выкрасилъ румянецъ,
 Вьетса усъ сѣдой,
 Киверъ валится на темя,
 Сталь звенить въ чехлѣ...
 Шевельнулъ ногою стремя
 И пропалъ во мглѣ.

Туча небо затемнила.
 Спи старуха! Спи!
 Матерой казакъ Данила
 Далеко въ степи.

Владиміръ Воиновъ.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Не съ лихорадочной, а съ холерной быстротой мобилизуемъ все: телеграфные столбы, чайные приборы, неоплаченные счета. Все встаетъ на защиту Германіи отъ избитыхъ русскихъ дамъ; покойники объявлены дезертирами и лишены воинскаго званія.

Настроеніе торжественное. На мѣстѣ лошадиной мобилизации кайзеръ произнесъ красивую рѣчь.

— Нѣмецкія лошади, — сказалъ онъ, — вы однѣ поймете меня въ эту трудную минуту! Идите же и несите свѣтъ истинной культуры къ варварамъ. Загляните въ вашу душу и вы поймете, что значить отечество...

Лошади заглянули и не произнесли ни одного слова. О, нѣмецкая лошадь умѣетъ молчать, когда отечество въ опасности. Въ поощреніе, одна изъ нихъ произведена въ адъютанты и отправлена въ штабъ.

Въ армію собраны всѣ мужчины, безъ различія пола и возраста. Дома только старики и разстрѣлянные социаль-демократы. Каждый житель снабженъ отъ правительства провіантомъ и энтузіазмомъ на пять мѣсяцевъ.

Населеніе страшно одобряетъ приказъ о вооруженіи кельнскихъ соборовъ пушками; требуетъ приведенія ихъ къ присягѣ и обученія строевой службѣ. Въ Кельнѣ же кирпичный складъ заподозрѣнъ въ шпіонствѣ и приговоренъ къ разстрѣлянью черезъ повѣшеніе.

Разстрѣлъ русскихъ сестеръ милосердія здѣсь не подтверждается; оказывается, что стрѣляли не по нимъ, а по лазарету Краснаго Креста. Сестры же милосердія живы и здоровы; похороны во вторникъ.

Отъѣздъ Вильгельма въ Аахенъ вызвалъ взрывъ энтузіазма въ Берлинѣ и геройское молчаніе въ самомъ Аахенѣ. По пути что-то мобилизовано.

Пріѣхавъ въ Аахенъ, Вильгельмъ обратился къ войскамъ:
 — Солдаты! Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ этихъ пирамидъ!..

— А гдѣ пирамиды? — спросили солдаты.

— Въ Египтѣ, — гордо отвѣтилъ кайзеръ.

— А гдѣ Египетъ? — снова спросили солдаты.

Повѣшено 37. * * *

Въ мѣстныхъ газетахъ появилось какое-то объявленіе:
 — Украденную у меня треуголку прошу считать недѣйствительной. Наполеонъ Бонапартъ.

Въ виду блокады англійскимъ флотомъ береговъ Германіи, жителямъ предписано питаться собственнымъ патриотизмомъ; многіе предпочитаютъ вегетаріанство. Запасовъ въ Берлинѣ такая масса, что ихъ хватитъ не только для населенія, но и для арміи, которая займетъ этотъ городъ.

Былъ объявленъ мораторіумъ, но Вильгельмъ заявилъ, что онъ лично противъ какихъ бы то ни было республиканскихъ учрежденій; мораторіумъ замѣненъ заключеніемъ въ тюрьмы русскихъ курортниковъ.

Населеніе ликуетъ. Вчера 17. Сегодня 9 и одна женщина. * * *

Сильное волненіе въ Берлинѣ вызвало нарушеніе Бельгійей нейтралитета Германіи. Занятіе Льежа германскимъ корпусомъ разсматриваютъ какъ недостойную выходку бельгийцевъ противъ европейскаго мира. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ инцидентовъ отданъ приказъ о занятіи Голландіи.

Къ нейтралитету Италіи здѣшніе дипломаты относятся, какъ къ разбойному нападенію на беззащитную Австро-Венгрію. Относительно обѣщанія Италіи Тулона и другихъ французскихъ городовъ Вильгельмъ заявилъ:

— Я ей обѣщаю полміра, а Францію, Россію и Англію только себѣ!

Сообщаю вамъ, пользующуюся большой популярностью въ Германіи патриотическую пѣсенку: «Пѣвецъ во станѣ тевтонскихъ воиновъ»:

* * *

Нынче мирныхъ гражданъ нѣтъ,

Есть — толпа военныхъ.

Нѣмцы! Что — нейтралитетъ?

Что — разстрѣлы плѣнныхъ?

Милосердія сестра

Что она? — Собака!

Всѣхъ давить и бить пора!

ХОРЪ (реветъ). — Однако!

Передавите ребятъ,

Приступайте къ старшимъ;

На грабежъ иди, солдатъ,

Залихватскимъ маршемъ.

Встрѣтишь раненыхъ — не смѣй

Разсуждать двояко:

Какъ приказано — добей!

ХОРЪ (реветъ). — Однако!

Въ случаѣ побѣды Германіи эта пѣсенка будетъ предложена для разучиванія представителямъ гаагской конференціи.

* * *

Немного слабовато съ профессурой. При объявленіи о лошадиной мобилизации весь цвѣтъ нѣмецкой науки понялъ, что пора и ему защищать родину...

Послѣднія свѣдѣнія о Россіи изъ мѣстныхъ газетъ:

— Въ Польшѣ революція. Казань объявила себя Самарой и требуетъ прихода нѣмецкихъ войскъ. Русскіе бѣгутъ въ Мюнхенъ.

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ то время, когда всѣ партійные ссоры и выпады отошли на задній планъ, когда всѣ партіи слились воедино въ одномъ порывѣ, — журналъ „Лукоморье“ позволяет себѣ помѣщать карикатуры, изображающія П. Н. Милюкова, то сидящаго въ галошѣ (?), то чуть ли не въ видѣ измѣнника отечества.

Конечно, всякій журналъ можетъ поступать, какъ ему заблагоразсудится, но мы должны выразить по этому поводу свое мнѣніе:
— Глупо. Безтактно. Плоско. Надоѣло. Не до того теперь.

* * *

Шутки изъ журнала „Осколки“:

— Какъ несходны бываютъ слова: по-французски „кровать“ (?) галстукъ, а по-русски — „кровать“ вещь для спанья...

— По-моему, тутъ есть большая связь: чтобы лечь въ кровать, обыкновенно снимаютъ галстукъ.

И еще:

— Вы, мамзель, видно здѣсь въ хорѣ участвуете?

— Нѣтъ, я — солистка!

— С и л и с т к а! Ахъ, это значитъ въ женской борьбѣ дѣствуете? С и л у показываете?

Умереть можно отъ смѣха!

И именно такъ умереть: взять и повѣситься.

Потому — стоитъ ли жить, если на свѣгѣ такъ острять?

* * *

Существуетъ такой анекдотъ:

Въ Бахмутѣ, лѣтомъ въ полдень, въ тихое для торговли время, на базарѣ собрались нѣсколько евреевъ торговцевъ и завели отъ нечего дѣлать бесѣду.

— Слышали? — сказалъ одинъ. — Воробейчикъ-то нашъ!..

— А что?

— Какъ же! Говорятъ, что онъ въ прошломъ году въ Миланѣ на свой теноровый голосъ заработалъ въ театрѣ восемьсотъ рублей.

— Нѣтъ! — перебиваетъ рассказчика другой. — Вы меня спросите объ этомъ дѣлѣ! Я знаю это дѣло!.. Во-первыхъ, это было не въ Миланѣ, а въ Жмеринкѣ, и не съ Воробейчикомъ, а съ Соловейчикомъ! И онъ не восемьсотъ рублей заработалъ на своемъ теноровомъ голосѣ, а потерялъ на старой желѣзѣ триста!

Приблизительно такое же письмо въ редакцію напечатано въ одной изъ столичныхъ газетъ:

М. г. г. редакторъ.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились сообщенія, будто 4 августа я, инженеръ В. К. Н., будучи призванъ изъ запаса во флотъ явился въ № 5 по Кировой улицѣ въ квартиру моей матери и, заставъ тамъ мою жену, подъ вліяніемъ сообщенія о возбужденномъ ею бракоразводномъ процессѣ, выстрѣломъ изъ револьвера убилъ ее, а затѣмъ покончилъ съ собою; при этомъ добавляется даже, что наши трупы доставлены въ покойницкую Маріинской больницы и что послѣ насъ остался сынъ мальчикъ 5 лѣтъ.

Здѣсь, что ни слово, то неправда: 1) я на дѣйствительную службу не призванъ, 2) день 4 августа мы съ женою, какъ обыкновенно, провели на нашей дачѣ въ Петергофѣ, гдѣ вообще живемъ, 3) къ матери моей я не являлся и явиться бы не могъ, такъ какъ мать моя скончалась восемь лѣтъ тому назадъ, 4) никакого бракоразводнаго процесса между моею женою и мною никогда не производилось и не производится, 5) жены моей, да и никого вообще, я, само собою разумѣется, не убивалъ, кикогда въ нее не стрѣлялъ и съ собою я не покончилъ, 6) дѣтей у насъ нѣтъ.

Дѣйствительно, сходства между двумя случаями мало.

* * *

Во всемъ нужно соблюдать тактъ и мѣру.

Вильгельмъ II достоинъ всяческаго осужденія и поношенія. Но даже такое дѣло нужно дѣлать съ умомъ, безъ мальчишеской безсодержательной брани.

А то выходитъ такъ: обрадовались, что ругать можно.

„Петерб. Газета“ обращается съ нашимъ врагомъ (все же таки императоромъ) очень просто:

Сегодня газета помѣщаетъ рисунокъ оборванца съ ножомъ, украшеннаго „вильгельмовскими усами“, и подписываетъ просто и мило:

„Хулиганъ Вася Берлинскій“

Завтра газета печатаетъ снимокъ обыкновенной гориллы и подписываетъ:

„Послѣдній портретъ Вильгельма II Гогенцоллерна“.

Просто и мило.

Послѣзавтра газета рисуетъ длинноухаго осла и подписываетъ:

— Гдѣ Вильгельмъ?

Совѣтуемъ газетѣ дѣлать еще проще: просто писать — „Вильгельмъ дуракъ“ или: „Вильгельмишка, чтобы ты сохъ!“.

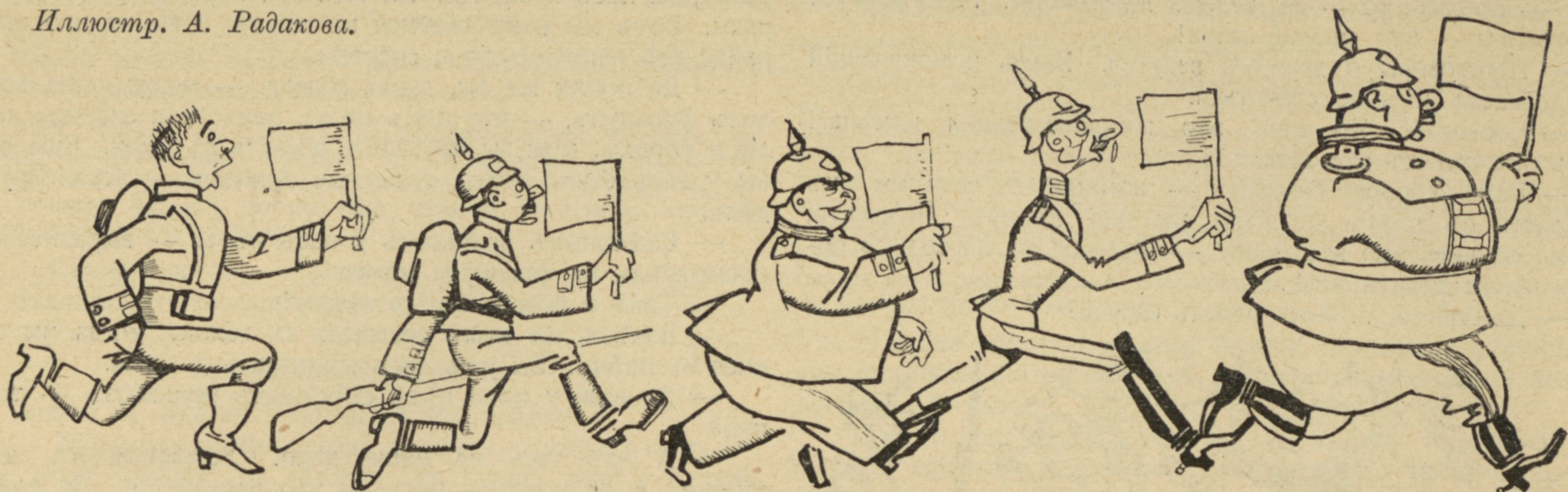
У невзыскательныхъ читателей газеты это будетъ имѣть такой же успѣхъ...

Рис. Ре-ми.

ПОПАЛЪ... Вильгельмъ (запыхавшись). — Скоро ли я, наконецъ, попаду въ исторію?!
Богиня исторіи Кліо. — Ты уже попалъ... — и въ довольно скверную!

Иллюстр. А. Радакова.

На франко-бельгійскомъ театрѣ войны обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что нѣмцы массами охотно сдаются въ плѣнъ.

Всѣ они, большей частью очень голодны и съ жадностью набрасываются на предложенную имъ пищу.

Изъ сообщеній французскаго генеральнаго штаба.

Соединенный франко-бельгійскій генеральный штабъ былъ совершенно сбитъ съ толку: внимательно слѣдя за всѣми передвиженіями нѣмцевъ, онъ терялся въ догадкахъ: чего хотятъ нѣмцы и куда они стремятся?..

Чувствовалось, что какой-то планъ у нѣмцевъ существуетъ, замѣчалась какая-то опредѣленная тактика, но что это за планъ? Что это за тактика? Постичь было невозможно.

И, однако, событія развертывались съ грозной быстротой — отнюдь не въ пользу французовъ и бельгійцевъ.

Первое время французы, какъ дѣти, любующіяся на зарево подожженного ими дома, радовались своимъ «успѣхамъ»:

— Вы подумайте! — сверкая глазами, говорилъ одинъ сѣдоусый генераль другому. — Вчера взяли въ плѣнъ шесть тысячъ нѣмцевъ, сегодня одиннадцать тысячъ, а съ тѣми, что сдались на прошлой недѣлѣ — это около тридцати тысячъ!!

— Вотъ это называется — хорошія дѣла!

— Чего тамъ хорошія — прямо замѣчательныя!!

* * *

— Ваше превосходительство! Имѣю честь доложить о новой побѣдѣ союзнаго оружія: бельгійскимъ пѣхотнымъ полкомъ взята въ плѣнъ цѣлая дивизія, съ конницей и артиллеріей!..

— Неслыханно! Неужели такъ-таки одинъ полкъ и взялъ въ плѣнъ цѣлую дивизію?!

— Представьте — взялъ.

— Если такъ дѣло пойдетъ и дальше — война должна скоро окончиться, — весело сказалъ генераль.

— Такъ точно.

И лица у обоихъ сіяли счастьемъ.

Дѣти! Они не знали, на что способны хитрые нѣмцы.

* * *

— Генераль! Наши войска взяли въ плѣнъ германскій корпусъ. Надо будетъ устроить ему ночлегъ и накормить плѣнниковъ. Распорядитесь.

— Позвольте! Куда я помѣщу цѣлый корпусъ?! Гдѣ я возьму для него провіанта?! У насъ съѣстныхъ припасовъ только-только для себя хватаетъ. Я, конечно, радъ, что мы одержали такую крупную побѣду, но — согласитесь сами — откуда я возьму провіанта накормить всю эту ораву?! Куда я ихъ суну на ночлегъ?! Сколько ихъ человѣкъ?

— Около сорока тысячъ.

— Ну, вотъ видите. Э, чортъ! Вывести ихъ просто въ поле, окружить часовыми — и пусть себѣ ночуютъ...

— А пища?

— Ну — денекъ поголодаютъ.

— Что вы, генераль! Развѣ мы варвары, что будемъ мучить плѣнниковъ голодомъ?! На это нѣмцы только способны... Нѣтъ! Франція — культурная нація, и пусть ни у кого не будетъ повода бросить намъ въ лицо обвиненіе, что мы плохо обращаемся съ плѣнными... Накормить ихъ!

— Но тогда придется лишиться ужина нашихъ собственныхъ солдатъ!

— Что жъ дѣлать! Но морить плѣнныхъ голодомъ — это было бы недостойно уважающихъ себя солдатъ. Кстати, вспомнилъ: вечера теперь холодные — прикажите, чтобы имъ дали потребное число палатокъ и топливо для костровъ.

* * *

Въ эту ночь унылые голодные французскіе солдаты долго бродили около лагеря плѣнниковъ и, переговариваясь шопотомъ другъ съ другомъ, бросали завистливые взгляды на костры, около которыхъ грѣлись германцы, помѣшивая ложками кипѣвшую въ котлахъ похлебку изъ мяса.

— Ыдятъ, — печально сказалъ одинъ французъ, указывая другому пальцемъ на группу нѣмцевъ.

— Да! Похлебку. Вотъ свињи-то. А потомъ заберутся въ наши палатки и будутъ спать.

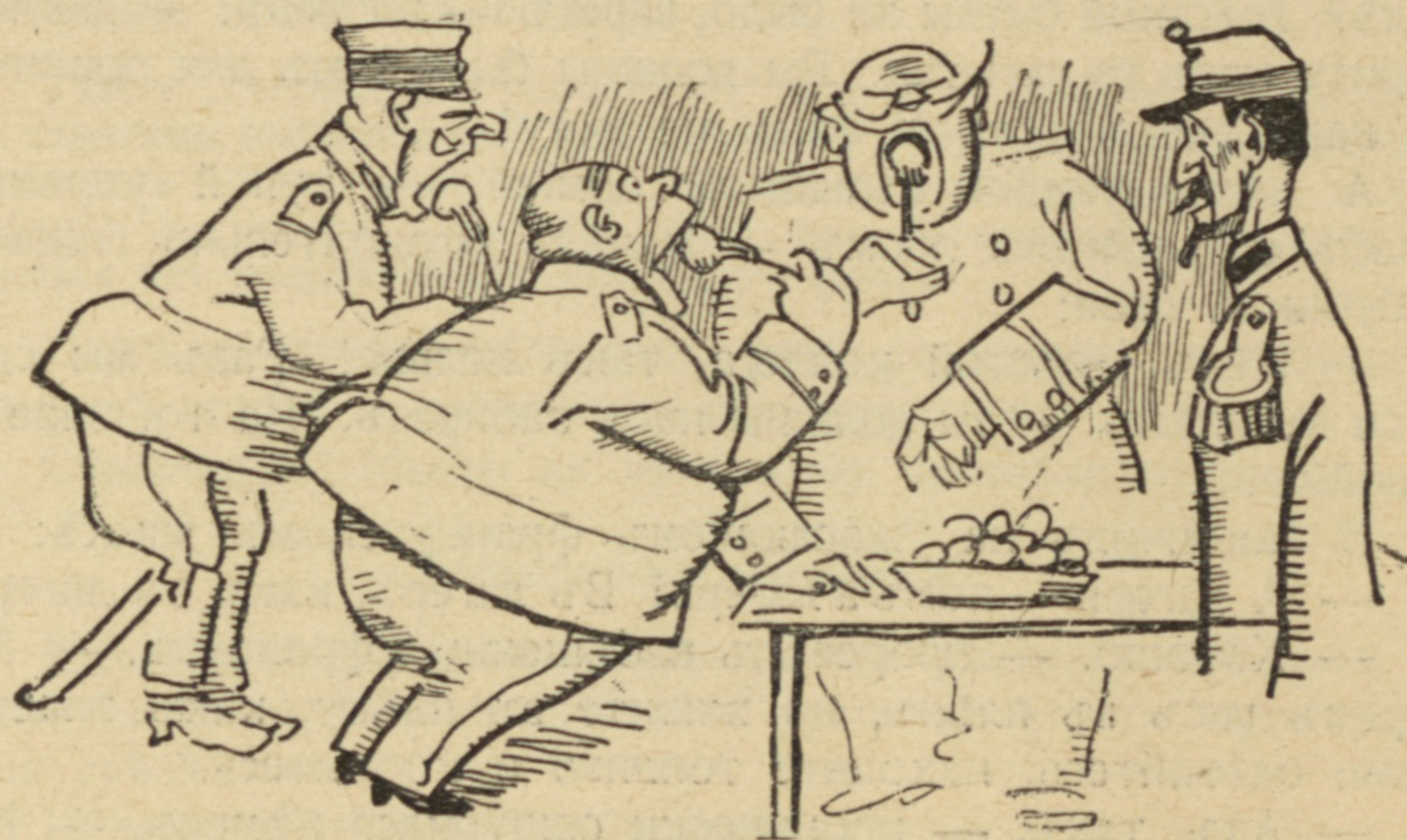
— Да... А мы броди всю ночь по полю, голодные, иззябшіе!

— Ничего не подѣлаешь. Зато мы — свободные воины великой страны, а они несчастные плѣнники.

— Хорошіе несчастные! Выгнать бы ихъ изъ палатокъ да отнять у нихъ похлебку — вотъ тогда были бы несчастные!..

— Жанъ! Стыдись! Гдѣ же это видано, чтобы французы жестоко обращались со своими плѣнными?! Благородное французское сердце никогда не допуститъ до этого!..

— Вотъ тебѣ и благородное! Благородныя сердца стоятъ, да облизываются, а неблагородныя за обѣ щеки уплетаютъ баранью похлебку съ сухарями. Дьявольски пахнетъ эта похлебка, а?

Плѣнные нѣмцы насыщались...

— Баранья похлебка всегда хорошо пахнетъ, — уклончиво отвѣтилъ товарищъ и вздохнулъ.

— По крайней мѣрѣ, хорошо ли ихъ стерегутъ?

— О, да! Двадцать человѣкъ стражи стоятъ кругомъ, вооруженные ружьями.

— Это на сорокъ-то тысячъ?! Да вѣдь они каждую минуту могутъ убѣжать.

— Нѣтъ, это уже испытано. Хоть одного человѣка поставь около нѣмецкаго корпуса — не убѣгутъ нѣмцы.

— Честные такіе, что ли?

— Чортъ ихъ знаетъ. Я и самъ удивляюсь.

* * *

— Вотъ такъ штука! Слышали новость, генераль? Вся вторая нѣмецкая армія въ сто двадцать тысячъ человѣкъ сдалась намъ сегодня въ плѣнъ.

— Мыслимо ли это?

— Вотъ — значитъ, мыслимо.

— Воображаю, какая радость у насъ царитъ! Гдѣ же сейчасъ эта армія?

— Пока на томъ же мѣстѣ, гдѣ сдалась. Командующій лѣвымъ крыломъ нашей арміи ведетъ сейчасъ съ ихнимъ командиромъ арміи переговоры.

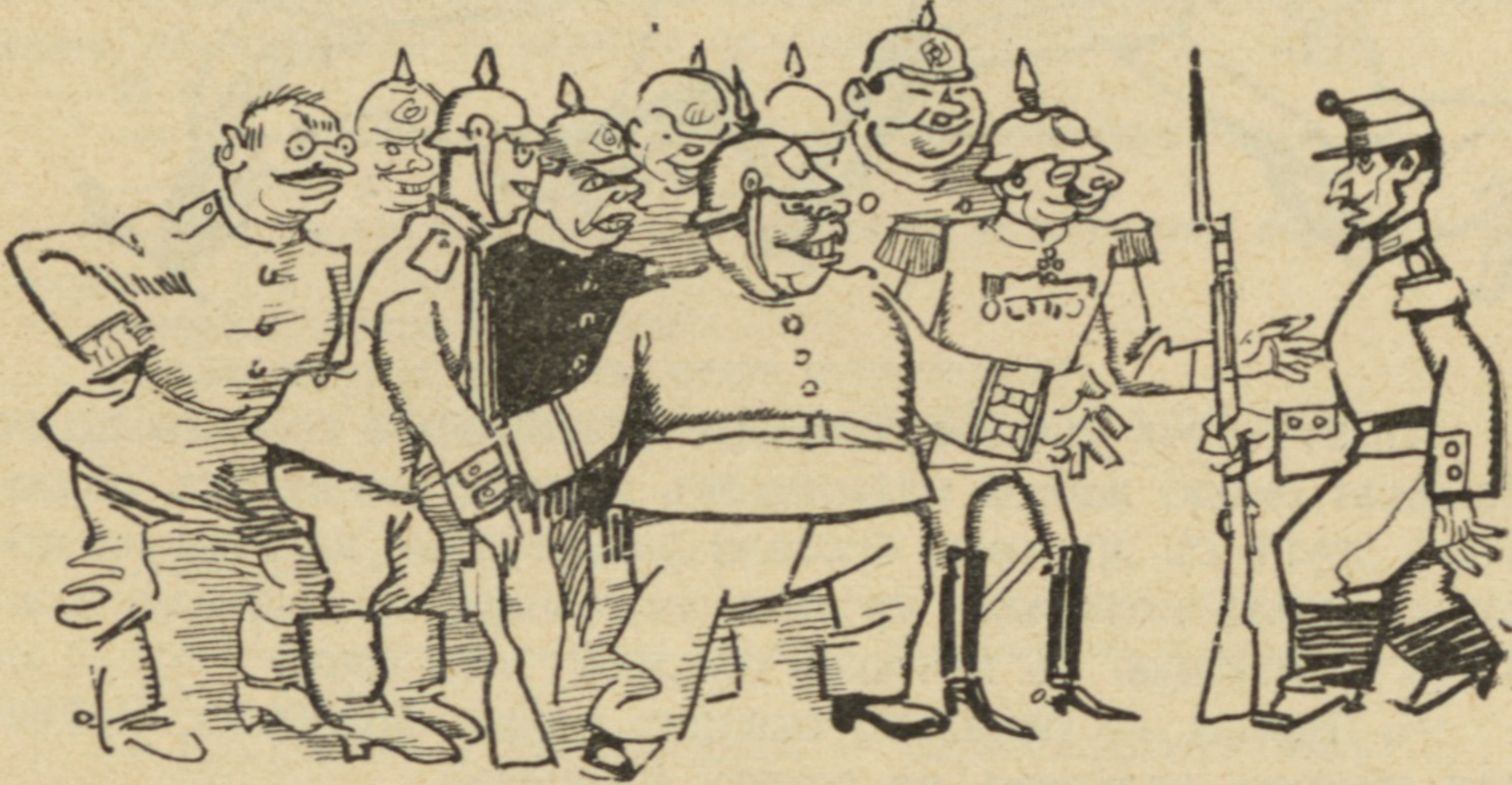
— Ну, вотъ! Что же вы говорите глупости! То говорите — сдалась, то — мы ведемъ переговоры. Разъ ведутся переговоры — это еще не сдача!

— Переговоры о другомъ ведутся. Нашъ командующій уговариваетъ ихъ не сдаваться.

— Что-о-о?! Но вѣдь это государственная измѣна!! Какъ онъ смѣетъ это дѣлать?!

— Вамъ хорошо говорить — измѣна! А если мы ихъ возьмемъ въ плѣнъ — куда мы ихъ дѣнемъ? Кормить, поить, обувать всю эту ораву — Франція не настолько богата, чтобы дѣлать это!..

— Да бой-то... былъ передъ сдачей?

... Поймали отбившагося отъ полка французскаго солдата, завели его въ середину своего лагеря, да и сдались ему...

— Не было боя. Просто поймали нашего отбившагося отъ полка солдата, завели его въ середину своего лагеря, да и заявили ему въ лицо: вы насъ взяли въ плѣнъ — мы сдаемся! Бѣдняга растерялся, плакалъ, увѣрялъ, что это не они къ нему, а онъ къ нимъ попалъ въ плѣнъ — жестокіе тевтонцы были глухи къ его мольбамъ!.. «Забирайте, — говорятъ, — насъ: мы ваши плѣнники!»

* * *

А въ нѣмецкомъ лагерѣ въ это время происходило вотъ что: начальникъ лѣваго крыла французской арміи съ двумя офицерами своего штаба, сидя въ палаткѣ нѣмецкаго командира второй арміи, кричалъ, волновался, брызгалъ слюной и билъ кулакомъ по столу.

— Я не принимаю вашей сдачи! — оралъ онъ, надсаживаясь. — Слышите ли вы это? Что это такое, въ самомъ дѣлѣ? Никакой битвы не было, вдругъ — на тебѣ! «Сдаемся. Берите насъ въ плѣнъ». Вы должны были хоть для приличія съ нами подраться! Я такъ не могу!

А командующій нѣмецкой арміей — тупой упрямый швабъ съ низкимъ лбомъ — качалъ отрицательно головой и бубнилъ свое:

— Нѣтъ, дорогой коллега, такъ нельзя! Разъ мы сдаемся въ плѣнъ — вы должны насъ забирать. На то, знаете, и война...

И закончилъ на ужасающемъ французскомъ языкѣ:

— А лагерь — комъ а лагерь! Въ лагерь, какъ въ лагерь.

— Хорошо, — проревѣлъ взбѣшенный французъ. — Мы беремъ васъ въ плѣнъ, но живите въ плѣну, какъ знаете! Сами одѣвайтесь, находите топливо и кормитесь.

— Ахъ, такъ, — иронически сощурился нѣмецъ. — Нечего сказать, хороши французы! Гдѣ же прославленное галльское благородство и милосердіе къ несчастнымъ плѣннымъ? Морить ихъ голодомъ и холодомъ? Держать ихъ оборванныхъ и грязныхъ, безъ крова?! Нечего сказать — красиво!

— Такъ тогда не сдавайтесь въ плѣнъ, а воюйте!

— Мы и воюемъ. Вотъ видите — даже въ плѣнъ сдаемся.

— Да поймите, что я не вижу даже предлога для сдачи. Вѣдь вы посудите сами: васъ около трехсотъ тысячъ чело-вѣкъ, промадная артиллерія, конница! А насъ не больше двухсотъ тысячъ. И вами заняты самыя удобныя, командующія надъ мѣстностью высоты. Отчего вы не стрѣляете вонъ въ ту деревушку, около которой расположились наши войска? Потомъ могли бы выслать свою кавалерію въ обходъ. Съ той стороны деревушка не особенно хорошо и защищена. Вы бы послали свою кавалерію, мы выдвинули бы вторую дивизию на защиту моста, вы бы поддержали кавалерію артиллерійскимъ огнемъ — такъ бы славно повоевали, а? Да право! Ну, хотите?

— Нѣтъ ужъ, что тамъ воевать, —

безнадежно махнулъ рукой нѣмецкій командующій. — Все равно, вы насъ побѣдите. Зачѣмъ зря порохъ портить, снаряды. Вотъ мы вамъ сдаемся въ плѣнъ, а вы за это забирайте всѣ наши орудія и снаряды.

— Да пойми же ты, дурья голова, — неожиданно вспылить французъ, — что намъ ни къ чему твои снаряды, орудія и порохъ, если вы избѣгаете воевать съ нами. Еще если бы у васъ былъ обозъ, съѣстные припасы — тогда другое дѣло!

— Съѣстныхъ припасовъ у насъ нѣтъ, — выразительно посмотрѣлъ на француза нѣмецъ.

— Такъ и подыхайте съ голоду!

— Зачѣмъ же намъ подыхать съ голоду, когда мы сдаемся въ плѣнъ. Вы ужъ насъ и кормить должны.

— Да если у насъ нѣтъ съѣстныхъ припасовъ — тогда что?

— А это ужъ не наше дѣло. Устраивайтесь, какъ знаете. А не кормить насъ — это варварство. Не думаю, чтобы благородная великодушная нація была на это способна.

Французъ долго метался въ тѣсной палаткѣ... Потомъ умоляюще протянулъ руки къ нѣмцамъ.

— Пощадите насъ! Не сдавайтесь въ плѣнъ.

— Сдадимся, — сухо обрѣзалъ нѣмецъ.

— Но позвольте! — вскричалъ французъ. — А что, если мы начнемъ вамъ сдаваться въ плѣнъ — тогда что?

— Э, нѣтъ. Это дѣло не выйдетъ. Императоръ Вильгельмъ издалъ ясный приказъ: плѣнныхъ не брать.

— А что же съ ними дѣлать?

— У нѣмцевъ есть ружья, сабли, револьверы, и они знаютъ, что съ ними дѣлать!!

— Значитъ — разстрѣливать? Нечего сказать — благородно. А если мы то же самое начнемъ дѣлать съ вами?

— Стыдитесь, — укоризненно произнесъ нѣмецкій командующій.

— Я не понимаю: почему намъ нельзя, а вамъ можно?! — заоралъ разсерженный французъ.

— Мы нѣмцы.

— Свины вы, а не нѣмцы.

— Ладно тамъ, ругайтесь. А въ плѣнъ, все-таки, насъ забрать обязаны.

— Ну, хорошо... — сказалъ французскій командующій. — Я сейчасъ... Пойду распоряжусь...

По его лицу, когда онъ выходилъ изъ палатки, было видно, что онъ замыслилъ какую-то хитрость.

* * *

Черезъ десять минутъ по всему лѣвому крылу французской арміи разнеслось категорическое приказаніе:

— Отступать!

Въ то же время на передовыхъ позиціяхъ французовъ послышались испуганные крики:

— Спасайся, кто можетъ! Нѣмцы идутъ сдаваться въ плѣнъ!!

Всѣ, давя другъ друга, бросились къ мосту, перешли его и сейчасъ же взорвали.

А непріятель на другомъ берегу бѣгалъ, растерянный, размахивая бѣлыми флагами и кричалъ во все горло:

— Куда же вы, господа?! Вы не имѣете права!.. Это противозаконно! Мы сдаемся! Ушли? Ну, ладно, попадетесь вы намъ! Все равно, сдадимся!..

* * *

Вечеромъ того же дня было засѣданіе военнаго совѣта по вопросу: что дѣлать дальше?

— Давайте сдадимся Сербіи, — предложилъ одинъ генералъ. — Она еще ничего не знаетъ и охотно возьметъ насъ въ плѣнъ.

— Вотъ-то влопается! — засмѣялся кто-то.

— Значитъ, планъ такой: мы вступаемъ въ предѣлы Сербіи, моментально сдаемся, насъ начинаютъ кормить, кормить, мы съдаемъ все, въ странѣ начинается голодь, нищета — и тогда мы диктуемъ условія, какъ побѣдители... Вѣрно?

— Правильно! Молодецъ Мольтке!

И долго въ лагерѣ слышались воинственные угрожающіе клики:

— На Бѣлградъ! На Бѣлградъ!!

* * *

Бѣдная Сербія

Аркадій Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Все это было бы смѣшно...

Одинъ русскій туристъ, пережившій ужасы нѣмецкаго обращенія, рассказываетъ, между прочимъ:

Насъ повезли въ Сасницъ, на островъ Рюгенъ, при чемъ сообщили, что багажъ нашъ пропалъ. Между прочимъ, во время отъѣзда одинъ изъ русскихъ былъ арестованъ за то, что, имѣя въ рукахъ бечевку, ударялъ ею по водѣ. Нѣмцы объяснили, что онъ шпионъ и измѣряетъ глубину.

... Глубину чего?

Вѣроятно, тевтонской глупости?

Проигравшій игрокъ.

Иногда за винтомъ поссорятся два пріятели.

— Жильникъ ты, форменная свинья, — говоритъ гость. — Ноги моей больше не будетъ въ твоёмъ домѣ. А если твоя жена пришлетъ, какъ давеча, вашу скверную горничную за утюгами, такъ я — такъ ты и знай — прямо ей въ рожу плюну!.. А твое пальто, которое ты у меня забылъ (навѣрно, память-то давно пропилъ?), я обмажу чернилами и выброшу на улицу! Тьфу!

Не имѣетъ ли сходства этотъ монологъ со слѣдующимъ письмомъ императора Вильгельма:

ЛОНДОНЪ. Великобританскій посоль въ Берлинѣ передъ его отъѣздомъ изъ Германіи получилъ отъ императора Вильгельма письмо, въ которомъ тотъ говоритъ, что никогда больше онъ не будетъ оскорблять себя ношеніемъ англійскаго мундира.

— Ладно тамъ, — усмѣхнулся добродушно великобританскій посоль. — Иди ужъ, иди, не проѣдайся...

Образное сравненіе.

Сильно пишутъ теперь нѣкоторыя газеты:

Для Наполеона въ берлинскомъ изданіи, для этого прусскаго юнкера съ великолѣпными усами, существуетъ поучительная исторія, которую ему слѣдовало бы вспомнить, прежде чѣмъ Пуріалесъ „дрожавшими руками“ вручилъ Сазонову объявленіе войны.

Это исторія великаго Наполеона, взглянувшаго прямо въ глаза загадкѣ Россіи и смущенно отвернувшаго побѣжденный взоръ...

Прусская каска хочетъ стать солнцемъ Европы — она станетъ дурацкимъ колпакомъ націоналистической Германіи.

Аминь!

Хитрый генераль.

Изъ газетъ:

Говорятъ, незадолго до объявленія войны германскій посоль спросилъ нашего генерала, почему въ Россіи, съ ея отвратительными шоссевыми и другими дорогами, выписывается изъ Германіи такое громадное число автомобилей. На этотъ вопросъ генераль нашъ отвѣтилъ такъ: „Правда, дороги у насъ плохи, но зато въ Германіи онѣ хороши и особенно около Берлина“...

И призадумался германскій посоль:

— Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? А! навѣрное, комплиментъ нѣмцамъ хотѣлъ онъ сказать!

И освѣтилось лицо германскаго посла патриотической гордостью.

Не имѣетъ основанія гордиться...

Газета „Deutsche Tageszeitung“ сообщаетъ изъ Ганновера, что генераль фонъ-Эммихъ, телеграфируя своей семьѣ послѣ „взятія“ Льежа, просилъ никому не давать своего портрета, такъ какъ онъ исполнилъ свой долгъ и не имѣетъ основанія гордиться тѣмъ, что онъ сдѣлалъ.

„Исполнилъ долгъ“.

Странные у нѣмцевъ долги: совралъ человѣкъ, что взялъ крѣпость — значитъ, исполнилъ долгъ.

„Клочекъ бумаги“.

„Times“ сообщаетъ слѣдующую подробность о послѣдней бесѣдѣ между англійскимъ посломъ въ Берлинѣ сэромъ Эдуардомъ Гошеномъ и германскимъ имперскимъ канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ.

Въ раздраженномъ тонѣ канцлеръ сказалъ:

„Не могу понять, почему Англія начинаетъ войну изъ-за клочка бумаги, на которомъ нацарапанъ договоръ о нейтралитетѣ Бельгіи“.

На это сэръ Гошенъ возразилъ: „На этомъ клочкѣ бумаги находится подпись Англіи такъ же, какъ и Германіи“.

Послѣ этого, логически мыслящій Бетманъ-Гольвегъ долженъ бы отвѣтить:

— Начихать мы хотѣли на нашу подпись.

Дѣйствительно, начихали.

Такъ начихали, что изъ носу кровь пошла.

Привычка — вторая натура.

Notunculus въ „Днѣ“ очень вѣрно подмѣтилъ одну характерную черточку въ настоящей войнѣ.

Сейчасъ исторію военныхъ дѣйствій въ Европѣ можно представить въ такомъ схематическомъ видѣ. Австрія объявила войну Сербіи. Австріицы бомбардируютъ Бѣлградъ. Германія объявила войну Россіи. Австріицы бомбардируютъ Бѣлградъ. Послѣ упорнаго сопротивленія взять городъ Льежъ, слабо укрѣпленный. Форты еще держатся. Австріицы бомбардируютъ Бѣлградъ. Французы наступаютъ на Эльзасъ, германскія войска перешли границу въ русской Польшѣ, русскія войска перешли границу въ восточной Пруссіи. На морѣ происходятъ столкновения, и потопленъ австріицкій крейсеръ. Австріицы бомбардируютъ Бѣлградъ.

И война кончится, и миръ будетъ подписанъ, а разсѣянные австріицы все еще будутъ лѣниво бомбардировать беззащитный Бѣлградъ.

— Что это вы, господа, — напоминаютъ имъ. — Вѣдь уже все кончилось! Довольно. Перестаньте бомбардировать Бѣлградъ.

— Да мы развѣ бомбард... — спохватятся австріицы. — Фу ты, чортъ... Дѣйствительно. Ну, перестать такъ перестать.

И тутъ же въ послѣдній разъ по привычкѣ пальнуть въ Бѣлградъ.

Козьма Крючковъ.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ привести сообщеніе о подвигѣ донскаго казака Козьмы Крючкова, который первый получилъ георгіевскій крестъ въ начавшейся войнѣ.

Крючковъ вмѣстѣ съ четырьмя своими товарищами находился въ развѣдкѣ. Замѣтивъ непріятельскій развѣздъ въ 22 всадника, Козьма Крючковъ съ гикомъ бросился на непріятеля и началъ наносить удары налѣво и направо. Рѣзвый конь и умѣнье владѣть шашкой дали возможность Крючкову расправиться съ врагомъ.

Первымъ ударомъ онъ свалилъ офицера, начальника развѣзда, а затѣмъ продолжалъ сыпать удары по остальнымъ.

Раненый, истекая кровью, онъ продолжалъ свое смѣлое дѣло.

Когда изъ ослабѣвшей руки была выбита шашка, Крючковъ вырвалъ пику и продолжалъ неравный бой.

Подоспѣвшіе товарищи смѣнили раненаго Крючкова и заставили немногихъ оставшихся въ живыхъ нѣмцевъ обратиться въ бѣгство.

Какъ это просто: увидѣлъ, что ѣдутъ двадцать два человѣка, и „съ гикомъ бросился на непріятеля“.

Очевидно, великое дѣло — казацкій гикъ.

Понятіе о подвигѣ.

„Нов. Время“ сообщаетъ:

Газета „Hamburger Fremdenblatt“ печатаетъ поперекъ всей первой страницы колоссальный заголовокъ (№ 189): „Новый подвигъ нашего флота“. А ниже напечатана телеграмма изъ Берлина, что, молъ, „Гебену“ и „Бреслау“ удалось уйти изъ Мессинскаго пролива и скрыться отъ преслѣдованія англійскаго флота.

Сколько такихъ подвиговъ уже совершено сухопутной нѣмецкой арміей и предстоитъ еще совершить...

Счастливыцы! Много ли нѣмецкому человѣку нужно?..

Лошадиная выдумка.

Изъ нижеслѣдующаго видно, что нѣмецкія свѣдѣнія о войнѣ не совсѣмъ совпадаютъ съ русскими строго проверенными свѣдѣніями...

Именно — нѣмцы сообщаютъ:

нѣмецкія войска въ бою около Млавы и Сольдау уничтожили двѣ русскія бригады.

Изъ русскихъ источниковъ, наоборотъ, сообщаютъ...

что не въ бою, а въ стычкѣ около Млавы и Сольдау у насъ ранены двѣ лошади, и одну раненую лошадь мы забрали въ плѣнъ.

Конечно, нѣмцу нужно имѣть очень большія способности, чтобы подмѣтить еле уловимую разницу между бригадой и лошадей: обѣ ходятъ, обѣ ѣдятъ — самъ чортъ ихъ тутъ не различить!

Гробокопатели.

Въ газетѣ „Kreuzzeitung“ извѣстный профессоръ Шиманъ пишетъ, что на могилѣ Грея, когда онъ умретъ, будетъ написано: „Здѣсь поконится тѣло того, кто создалъ войну 1914 года“.

Неужели варварство нѣмцевъ дойдетъ до того, что они ворвутся въ Вестминстерское аббатство, выбросятъ изъ могилы тѣло Грея и положить туда своего Вильгельма?..

Иначе, какъ же оправдать эту надпись?

Собачье отношеніе.

Наступаютъ иногда въ жизни великой страны моменты, когда всякія мелкія дразги, грызня и перекоры должны прекратиться...

Всѣ мы понимаемъ это.

Всѣ кромѣ мѣдлолобыхъ черносотенцевъ.

Изъ числа ихъ съ удовольствіемъ исключаемъ В. М. Пуришкевича, который — одинъ среди своихъ друзей — правильно оцѣниваетъ моментъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, по словамъ газ. „Герольдъ“, Пуришкевичъ охарактеризовалъ свое отношеніе въ правой печати:

„Наша правая печать совсѣмъ не отдаетъ себѣ отчета въ переживаемыхъ событіяхъ. „Русское Знамя“ и по сіе время стоитъ на старой позиціи въ отношеніи инородцевъ.

Эти правые — удивительно близоруки. Въ такой исключительный моментъ травля правой печати не должна быть терпима, тѣмъ

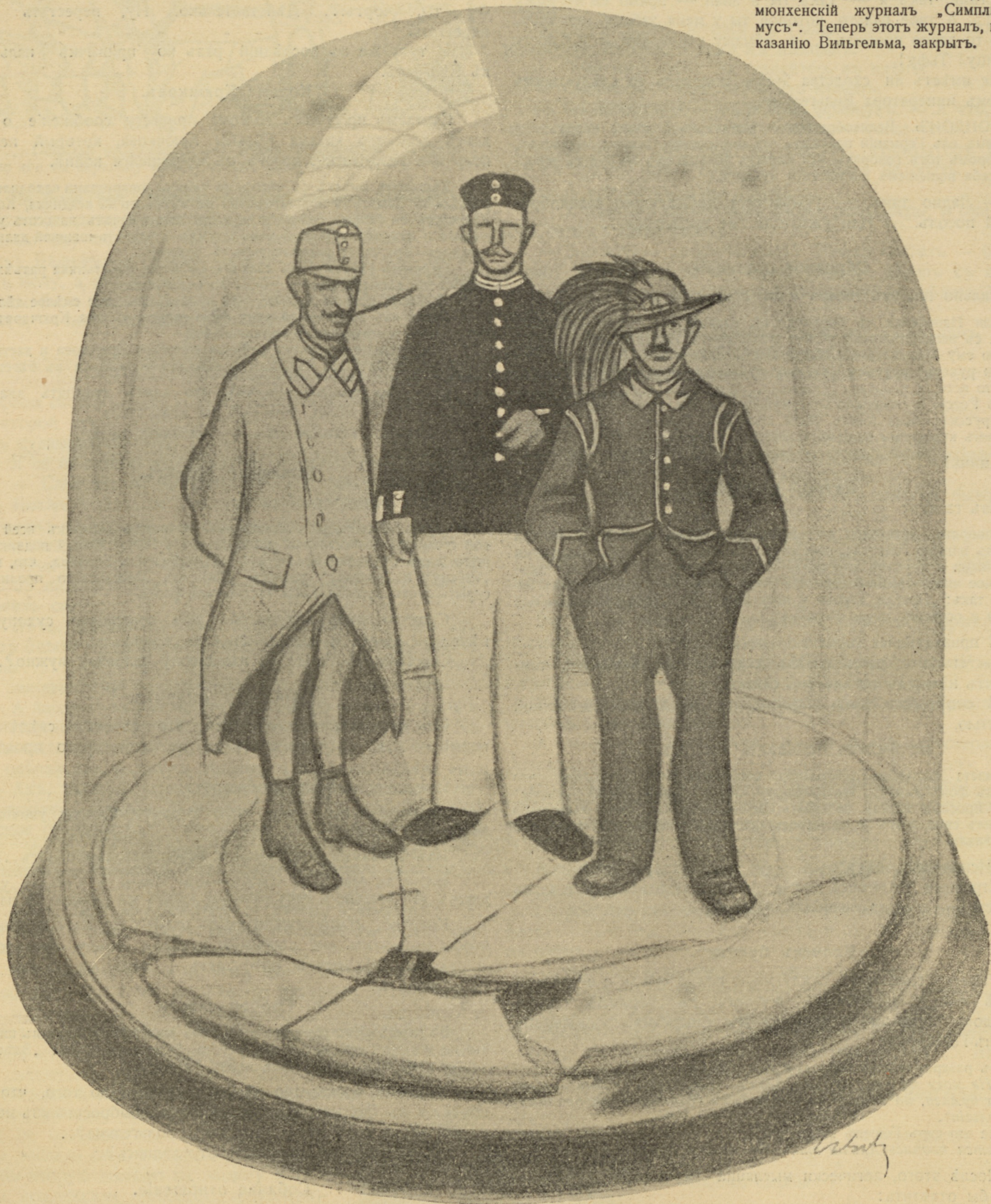
болѣе, что евреи наравнѣ со всѣми прочими гражданами Россіи встали на защиту своей Родины. Все наше вниманіе должно быть обращено теперь на полное единеніе всѣхъ русскихъ гражданъ, а не на сѣянiе раздора между ними...

Настроеніе всего русскаго народа — повышенное и воодушевленное. Широкая масса не дѣлаетъ никакого различія между евреями и русскими. Правая печать, сѣющая вражду между тѣми, кто готовъ лечь костями за защиту своего отечества, — беретъ на душу великій грѣхъ“...

Не понимаютъ черносотенцы, что всѣ теперь должны одинаково служить родинѣ. И даже ихъ мѣдныя головы можно перелить въ пушки, съ помощью которыхъ не трудно будетъ отразить врага.

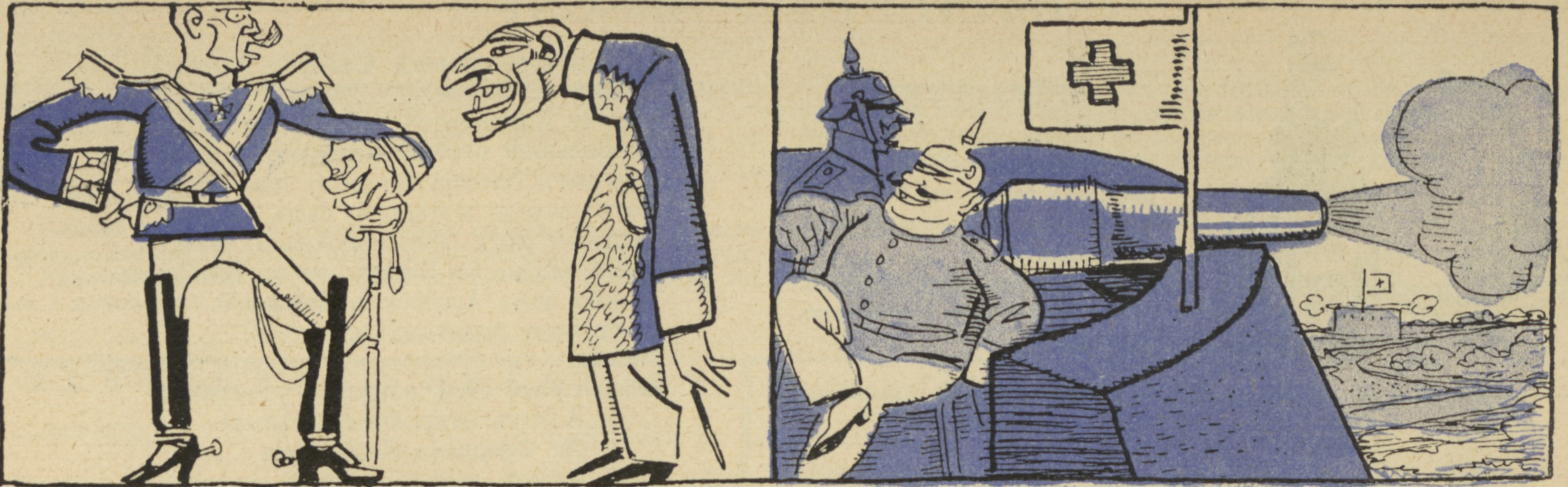
НѢМЦЫ САМИ О СЕБѢ.

Такъ изображалъ тройственный союзъ, за нѣсколько недѣль до войны, мюнхенскій журналъ „Симплициссимусъ“. Теперь этотъ журналъ, по приказанію Вильгельма, закрытъ.

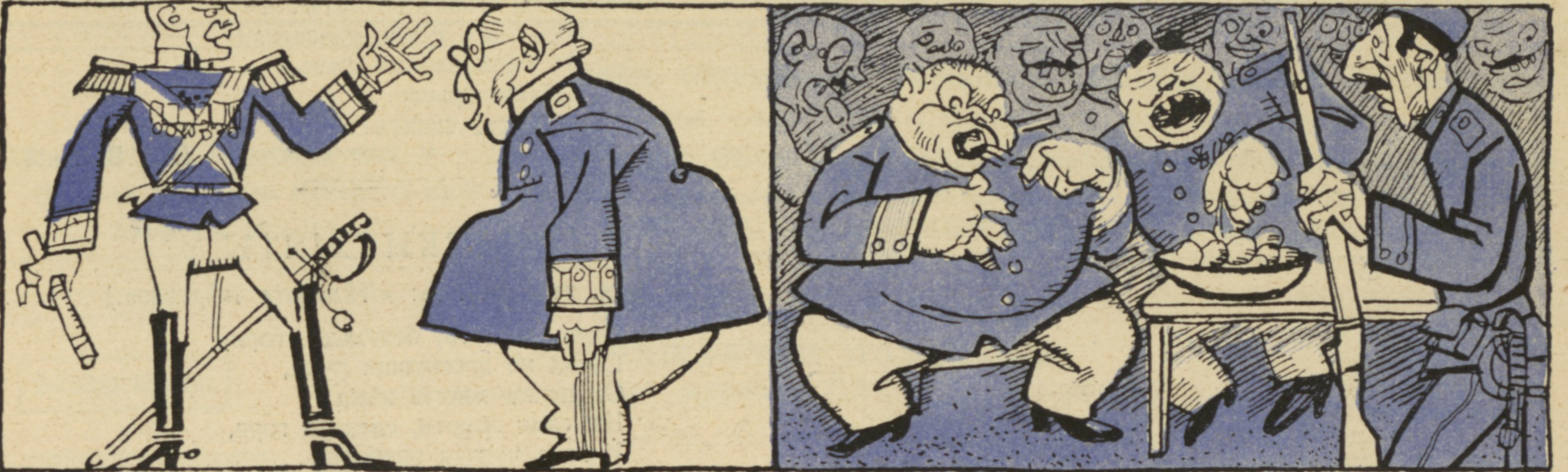
ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

— Не трогайте руками и не снимайте колпака: Эта игрушка, сдѣланная кустарнымъ способомъ нашими дипломатами, — вещь очень ломкая!

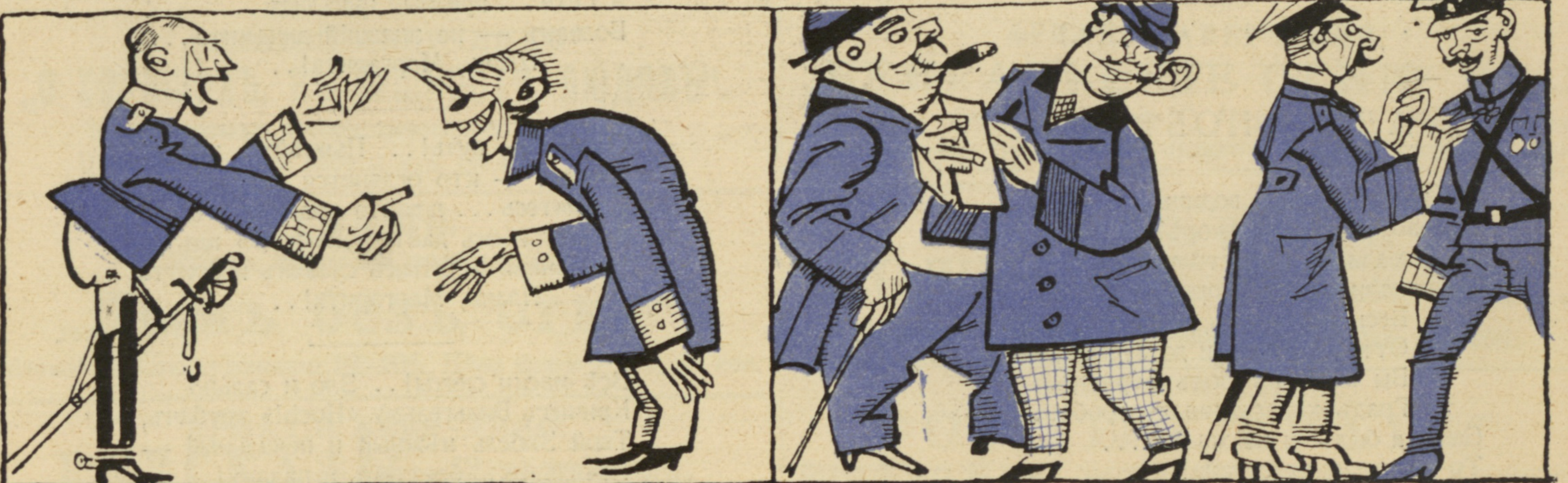
Вильгельмъ II. — Что я слышу! Французская артиллерія лучше Крупповской!!! О, это ужасно... Что же дѣлать?!!
 — Все уже сдѣлано, ваше величество, наши крѣпости будутъ цѣлехоньки, для этого намъ нужны не хорошія пушки, а...

...А стѣить только выставить сверху тряпочку съ краснымъ крестомъ... Французы и русскіе — народъ деликатный! Ну, а какъ они поближе подойдутъ, — мы ихъ и достанемъ.

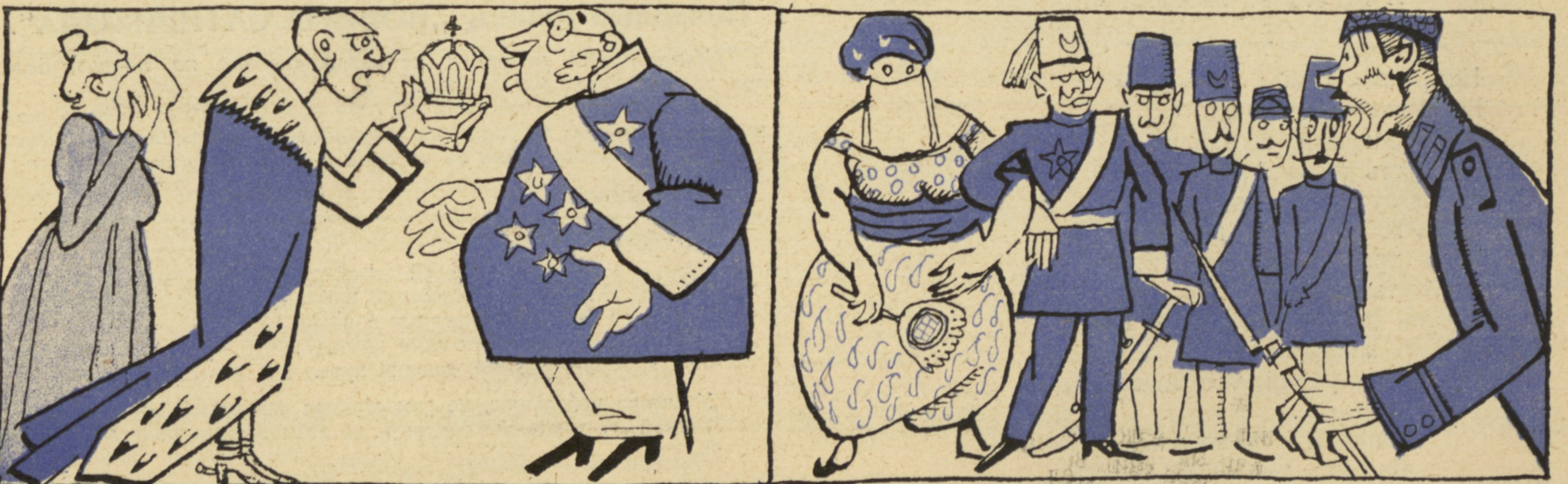
— У моихъ враговъ, г. интендантъ, говорятъ, громадныя запасы провіанта!
 — Смѣю доложить, вашему величеству, что къ уничтоженію провіанта враговъ, мною приняты всѣ мѣры. Еще только на той недѣль, 15 тысячъ австрійцевъ и нѣмцевъ, которыхъ мы нарочно не кормили, сдались въ плѣнъ сербамъ.

О, я увѣренъ, что они исполняютъ все, зависящее отъ ихъ желудковъ, чтобы уменьшить эти вражескіе запасы!

— Что дѣлать?! Моихъ шпіоновъ ловятъ! Намъ не узнать теперь тайнъ нашихъ враговъ.

Будьте увѣрены, они свое дѣло знаютъ и своего долга передъ фатерландомъ не забудутъ.

— Скажите, совѣтникъ, что мнѣ дѣлать, если враги захотятъ отнять у меня корону Габсбурговъ и порфиру моихъ предковъ! Какъ спасти ее?!

— Проще этого ничего не можетъ быть! Когда враги придутъ...

...Вашему величеству стоить только надѣть феску и объявить всѣмъ, что нѣмцы перешли въ турецкое подданство!

ТРЕЗВЫЙ УМЪ.

— Знаете, фрау Эльза: мой сынъ — самый храбрый во всей ротѣ: онъ взялъ въ плѣнъ у русскихъ два самовара и золотую браслетку...

— Ну, а мой, фрау Шарлотта: самый умный: онъ самъ пошелъ въ плѣнъ.

Это вотъ памятникъ Альберту Ахиллу!
Такого не знаете?.. Стыдно!
Онъ въ Браденбургѣ покорилъ какую-то виллу...
Большой отойди, маленькому не видно!
Это вотъ Гектору Второму Иоахиму,
Вотъ ужъ до побѣды-то былъ жаденъ!
Жить не могъ безъ порохового дыму!
Покорялъ не то Баденъ, не то Висбаденъ...
А вотъ вамъ Альбрехтъ Баварскій.
Вотъ кому подражать старайся!
Пивникъ ты, столяръ, или юнкеръ гусарскій, —
Одно слово, стой, зрирай и удивляйся!
А вотъ откройте-ка бѣльма
На Фридриха Вильгельма...
А вотъ вамъ...

Нѣтъ, аллею побѣды
Я ходить хотъ сутки радъ...
Въ старину живали дѣды
Не смирнѣй своихъ внучать...
Ихъ какъ тумбы разсадили
Въ безконечный рядъ,
Крѣпко врыли...
— Пусть сидятъ!..

Евг. Вѣнскій.

МАСКИ СНЯТЫ.

(См. въ газетахъ: «Нѣмецкія звѣрства».)

Огонь и мечъ, безумью вторя,
Слила не дрогнувши рука,
Окрасивъ многіе вѣка
Цвѣтами смерти, слезъ и горя,
И ваза чудная разбита...
Плачь, Маргарита!..

Смѣшны культурныя улитки...
Для мира честь, любовь и стыдъ,
Войнѣ же честь — позоръ и пытки,
А Гёте... вредный инвалидъ...
Болванъ — не знавшій динамита...
Плачь, Маргарита!..

Отрѣзанъ путь!.. Пьянѣйте, звѣри!..
Смерть — кто оглянется назадъ!..
Глумитесь... плюйте храмамъ въ двери,
Культурнымъ дайте «Дантовъ» адъ...
Что значитъ штыкъ славянъ и бритта!
Плачь, Маргарита!..

Всѣ маски сняты!.. Зло и сально
Кричитъ Вильгельму «Noch!» трубачъ, —
Твой Зибель нѣжный и печальный —
Насильникъ, бреттеръ и палачъ!..
А грусть любви?.. Она... забыта...
Плачь, Маргарита!..

Сергѣй Михѣевъ.

АЛЛЕЯ ПОБѢДЫ.

Вы видали ключъ водицы
На заброшенномъ дворѣ?
Вы бывали въ ихъ столицѣ?
Вы видали рѣчку Шпре?
Весь оштыченъ, весь ожерленъ
Отъ ботфортъ и до зубовъ, —
Вы видали городъ Бѣрлинъ,
Градъ казарменныхъ пробовъ?
Самъ я былъ и не жалѣю...
То-то странная страна!
Я видаль одну аллею
Цѣликомъ изъ чугуна.
Смотритъ пьяненькая шельма,
Издаетъ умильный вздохъ,
Вспомнить кайзера Вильгельма
И икнетъ въ экстазѣ: «Noch!»

Ихъ, какъ тумбы, разсадили
Въ безконечный рядъ,
Крѣпко врыли, оградили...
— Пусть сидятъ!
И глядятъ, какъ пни, герои
Такъ-то строго на народъ.
Тотъ храберъ, а этотъ втрое...
Жуть беретъ!
Вдругъ да слѣзутъ всѣ со скуки
Разомъ внизъ,
Да какъ ринутся, что щуки!!
Берегись!..

Смотритъ пьяненькая шельма,
Издаетъ умильный вздохъ,
Вспомнить кайзера Вильгельма
И икнетъ въ экстазѣ: «Noch!»

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петербургъ.

И. Блуз—ову.

Я уже по судьбѣ своей странникъ,
Какъ будто какой-то изгнанникъ
Возьмешь котомку и палку
И ужъ ноги сами идутъ (?)
Въ дальній, дальній путь.

У автора небольшое, но симпатичное дарованіе.
Нужно его тщательно беречь и, по возможности, ничего не писать.

Литейн. 54 — Давиду Короткому.

Описывая батальную сцену, Давидъ Короткій говорить:
— „У несчастнаго былъ снесенъ съ шеи весь черепъ“.
Намъ бы хотѣлось освѣдомить Давида Короткаго, что между че-

репомъ и шей помѣщается еще такая маленькая вещица, которую научные авторитеты называютъ головой.

Если не на себѣ, то на другихъ Давидъ можетъ провѣрить эту гипотезу.

Б. Провинція.

Псковъ. — Н.О. Р.—А этотъ авторъ съ милой развязностью сообщаетъ, что онъ написалъ стихи только потому, что у „него чесались руки“
Указанное болѣзненное ощущеніе можетъ быть удалено не стихами, а далматскимъ порошкомъ.

Рыбинскъ — Двоецкому. — Предлагая свое сотрудничество, г. Двоецкій пишетъ, что онъ „полонъ жизненныхъ соковъ“.

Не имѣя возможности утилизировать г. Двоецкаго съ этой стороны, редакция принуждена отъ его услугъ отказаться... **Аве.**

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

RESTAURANT FRANÇAIS ALBERT Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61	Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte. Cuisine française et italienne. Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.
--	--

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ? за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ	ВЪ РЕСТОРАНѢ „БЪЛГРАДЪ“ Изна Сергѣевича СОКОЛОВА ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.	Комфортабельные кабинеты. Торг. до 3-хъ ч. ночи.
---	---	---

БАРЪ-ЭКСПРЕССЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининскій каналъ, 14 (Второй домъ отъ Невского пр.) Телеф. 66—89 и 251—83.	ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ОБРАЗЦОВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ РЕСТОРАНЪ Буфетъ — АЛЯ-ХАВЕЛКА, разнообразныя холодныя и горячія закуски. ЗАВТРАКИ, ОБѢДЫ и УЖИНЫ а рѣх-ѣхе и по картѣ. Первокласная кухня Специальный погребъ лучшихъ заграничныхъ винъ ПРЕВОСХОДНЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ НАПИТКИ УЮТНЫЕ, СТИЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ. >< Катчикъ и К°.
---	---

2-й годъ изданія.	ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА	2-й годъ изданія.
3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ	„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“	3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.		
Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.		

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРСШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

Книга новыхъ юмористическихъ разсказовъ.
Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ разсказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.
Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библиотечка. 3 тома. Въ изящной обл. художника ЧЕХОНИНА. Цѣна каждаго тома 2 руб.

Поступили въ продажу

КОМПЛЕКТЫ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Съ 1-го іюня по 31-е декабря 1913 года.

Въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіемъ золотомъ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.

Продается въ конторѣ журнала „Новый Сатириконъ“. Спб., Невскій, 98.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“ ПЬЕСЫ И ВОДЕВИЛИ

Томъ IV. Обложка работы С. Чехонина. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе: Трудный случай. НА ВОЛГѢ. Четверги. ОДЕССИТЫ. Суета суеть. Вчера и сегодня. Сердце матери. Павликъ. Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть. Товарищъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ӨОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотечка „НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

УВЫ, ПОЗДНО.

Вильгельм II. — Да, сударыня, теперь я долженъ вамъ сказать, что вы не соблюли интересовъ нашей дорогой Германіи! У насъ пять сыновей, хорошо... Одинъ будетъ царствовать въ Германіи, другой во Франціи, третій въ Бельгіи, четвертый въ Россіи, пятый въ Японіи, — ну, а кто будетъ царствовать, скажите мнѣ, въ коварной Италіи... кто, кто!? Сударыня, вы нарушили всѣ мои планы — гегемоніи Гогенцоллерновъ надъ міромъ, — стыдитесь, сударыня!